

Горюнова Е.А.

ПОЛИТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В КРЫМСКОМ СЕЛЕ НАКАНУНЕ МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Проблема социального неравенства на протяжении многих веков выступала отправной точкой противостояния различных по социальному положению слоев населения. Идеи о социальном равенстве будоражили в разные периоды умы народов Европы, однако реально им суждено было воплотиться только в России после Октября 1917 года. Партия большевиков заявила о полном равенстве всех граждан в политических, экономических и социальных правах, отстранив от участия в политической жизни лишь отдельные слои населения, которых большевики причислили к категории "бывших эксплуататоров". Основная же масса населения теперь должна была получить равные возможности для реализации своих экономических стремлений. В первую очередь это касалось многострадальной деревни, которая значительно пострадала в годы гражданской войны.

31 декабря 1921 года IX Всероссийский съезд Советов принял постановление "О политике Советской власти в деревне", в котором резко осуждалась политика продразверстки. Большевики признали свои ошибки и выдвинули новую политическую линию для деревни, которая предусматривала образование внутреннего рынка и развитие товарно-денежных отношений. Краеугольным камнем новой концепции стало положение о развитии крестьянского землепользования, что предусматривало довольно широкую экономическую свободу для крестьянства, а также государство обещало всяческую поддержку маломощным крестьянским хозяйствам [1].

Однако разыгравшийся по всей стране и, особенно, в Крыму голод не позволил органам власти воплотить задуманное в жизнь. Состоявшийся ровно через год X съезд Советов вынужден был констатировать дальнейшее ухудшение ситуации в сельском хозяйстве: сокращение посевных площадей, ухудшение обработки земли, резкое снижение урожайности зерновых и специальных культур. В целях улучшения ситуации рекомендовалось как можно скорее проводить в жизнь новую экономическую политику и предоставить крестьянам максимум самостоятельности в хозяйственной деятельности. В то же время отмечался некоторый рост численности сельской буржуазии и в связи с этим перед местными органами власти ставилась задача - "парализовать этот процесс регулированием арендных отношений, расторжением кабальных сделок между бедняцкими слоями деревни и зажиточными ее элементами, оказанием помощи беднякам в проведении посевной кампании, а также распределением продналога по классовому принципу: с бедняка – ничего, с середняков – поменьше, с кулаков – побольше" [2].

Стремясь выполнить указания X съезда Советов, КрымЦИК 6 марта 1923 года принял постановление "О недействительности кабальных сделок по продаже сельским населением сельхозинвентаря и построек". В соответствии с этим документом недействительными признавались сделки по продаже сельским населением живого или мертвого сельхозинвентаря и построек во всех случаях, когда одна из сторон воспользовалась крайней нуждой другой стороны. Местные исполкомы должны были возвращать пострадавшим проданные инвентарь и постройки. Указывалось также, что решения суда по искам недовольных исполнению не подлежат [3].

12 марта 1923 года Совнарком принял постановление "О едином сельхозналоге в Крыму", согласно которому вводился один налог с доходов от полеводства, скотоводства и всяких побочных заработков вместо нескольких налогов существующих ранее. Налог предусматривалось взимать по разрядам в зависимости от урожайности. Нормы налога должны были ежегодно утверждаться исполкомами Советов.

В 1923 году местные органы Советской власти решили провести выборочное обследование крестьянских хозяйств с целью выяснения источников средств для выплаты сельхозналога. Оказалось, что доля сельскохозяйственной продукции, продаваемой крестьянами на рынке для выплаты налога, составляла в среднем около 80% , а оставшаяся часть приходилась на инвентарь и домашнее имущество, которое крестьяне вынуждены были выбрасывать на рынок для покрытия налога. Продажа продуктов промышленности в некоторых группах хозяйств достигала внушительных размеров (хозяйства размером в 1-2 десятины продавали примерно одинаковое количество сельхозпродукции и промышленных товаров). Более 34% составляли промышленные товары в товарообороте многопосевных хозяйств, которые без подобных операций не могли рассчитаться с государством в уплате налоговых сборов [4].

В начале 1924 года земельные органы Крыма представили в Наркомзем данные по всем районам республики о различных группах крестьянских хозяйств по обеспечению их посевами, хозяйственным инвентарем, рабочим скотом и рабочей силой. Проанализировав эти данные, крымский обком РКП(б) пришел к выводу о том, что расслоение в крестьянской среде выражено недостаточно и "следует принимать более жесткие меры для того, чтобы провести расслоение" [5]. Недостаточная социальная дифференциация стала главным тормозом для социалистического преобразования крымской деревни, для создания благоприятных условий дальнейшей коллективизации села. Поэтому партия большевиков поставила перед советскими органами задачу активизации процессов расслоения деревни и внедрения новых форм и методов хозяйствования, которые помогут четко разграничить деревню на богатых и бедных, поскольку большая часть деревни – средние крестьяне – в результате проводимой политики разбогатеют и попадут в разряд кулаков или же, не справившись с нормами налога, пополнят ряды бедняцких хозяйств.

На протяжении 1923-24 годов в Крыму проводились обследования крестьянских хозяйств с целью выявления численности бедняцких, середняцких и кулацких хозяйств. Критерием определения типа хозяйства являлась средняя для данной местности площадь землепользования. Хозяйство, площадь которого вдвое превышала

площадь среднего хозяйства, относилось к кулацкому, а хозяйство с уменьшенной вдвое против среднего площадью считалось бедняцким [6]. Такой подход был полным произволом власти по отношению к крестьянам, поскольку принимал во внимание только величину посева и ничего более. Не учитывались методы ведения хозяйства, внедрение новых приемов и техники, использование наемного труда. В результате под категорию кулаков попадали самые работающие крестьяне, которые собственным трудом и трудом своей семьи могли обработать довольно большие, по мнению большевиков, земельные наделы. В действительности земельные участки в 15-20 десятин трудно назвать крупными, ибо сам вождь мирового пролетариата В.И. Ульянов (Ленин) в одной из своих работ называл подобные наделы "средними, допускающими сносное хозяйничанье" [7].

По итогам проведенных исследований в крымской деревне к бедняцким хозяйствам было отнесено на тот момент 25% хозяйств, к середняцким – 64%, к кулацким – 11%. Высокий процент середняков тревожил партийное руководство, которое продолжало настаивать на активизации социальной дифференциации на селе путем более широкого использования арендных отношений и применения наемного труда.

Наряду с выяснением численности различных социальных слоев в деревне также проводились обследования крестьянских бюджетов и их рационов питания. В феврале 1924 года в суточном рационе одного взрослого едока содержалось калорий: в беспосевных хозяйствах – 3716, малопосевных – 3565, среднепосевных – 4225, многопосевных – 4406 [8]. Приведенные данные демонстрируют удивительные вещи – бедняцкие хозяйства, которые совсем не имели собственных посевов, питались в калорийном отношении лучше, чем малопосевные. Складывалось странное положение: крестьянин, который работает и пытается вырваться из нужды живет хуже, чем бедняк, который вообще ничего не делает, но получает помощь от государства. Как видим, уровень питания бедняков по калорийности лишь совсем немного уступал среднепосевным и многопосевным хозяйствам. Быть бедным в советской деревне оказывалось гораздо выгоднее, чем работать и зарабатывать на жизнь. Поэтому бедняки и не стремились брать землю и работать на ней, они больше надеялись на помощь государства, чем на собственные силы. Государство же во главе с партией большевиков видело в бедняцкой массе свою опору на селе в будущей коллективизации.

Дальнейшая политика расслоения приносила свои плоды и уже в мае 1924 года на IX крымской областной партконференции секретарь обкома Уфимцев в своем докладе отметил: "Расслоение крестьянства идет довольно быстро. Ввиду социальной разнохарактерности крестьянских хозяйств усиливаются трения между ними, идет борьба за власть и экономическое господство в деревне" [10].

По рекомендации ЦК РКП(б) ЦИК и СНК СССР в феврале 1925 года приняли совместное постановление "Об аренде земли и использовании наемного труда в сельском хозяйстве", что значительно расширило возможности арендных отношений и использование наемного труда, способствовало как подъему сельскохозяйственного производства, так и дальнейшему развитию товарно-денежных отношений, втягиванию в сферу рыночных интересов основной массы крестьянства. Эти процессы призваны были еще более усилить социальную дифференциацию на селе.

Результат подобных действий не замедлил сказаться, поскольку уже в 1925-26 гг. районные комитеты Крымской АССР докладывали об активизации борьбы между бедняками и зажиточными с колебаниями в обе стороны середняка. Средняк стал центральной фигурой в деревне, от него многое зависело в сложившейся ситуации. Поэтому Сталин поставил задачу перед местными органами власти "сплотить середняков вокруг пролетариата" [11].

Крымские коммунисты восприняли слова вождя как руководство к действию и начали неустанно твердить о нерушимом союзе беднейших слоев крестьянства и пролетариата с середняком. Многие крымские руководители заговорили о грубейших нарушениях в вопросах социальной градации крестьянства, когда в кулаки попадали более менее крепкие крестьянские хозяйства. Секретарь Крымского обкома Петропавловский критиковал устоявшуюся практику разграничения крестьянских хозяйств по площади посевов и численности скота. "Кулацкие элементы, - говорил он, - мы должны определять по найму батраков, эксплуатации их труда при отсутствии применения в хозяйстве труда собственного, труда членов семьи нанимающего" [12]. Это был гораздо более правильный подход, который позволил отличить истинных работников на земле от эксплуататоров чужого труда, но в реальной практике предложениям Петропавловского места не нашлось. К кулацким относили все состоятельные в экономическом отношении хозяйства. Многие середняки боялись попасть в разряд кулаков и подвергнуться репрессиям со стороны власти, поэтому не стремились развивать свое хозяйство.

Проведенное летом 1926 года очередное обследование крымской деревни показало как рьяно на местах выполнялись установки партии. Количество середняков, столь необходимых государству для выполнения политических задач в данный момент, резко возросло, достигнув почти 80%! В очередной раз советские органы власти использовали произвольный подход при рассмотрении социальных процессов на селе, практически полностью игнорируя экономическую целесообразность в угоду партийной линии.

В конце 1925 года СНК РСФСР принял постановление о введении "Временных правил о наемном труде в сельском хозяйстве", которое полностью соответствовало принятым ранее решениям о расширении масштабов наемного труда и устанавливало его пределы. Все, кто выполнял правила, обязаны были платить обычный сельскохозяйственный налог, а выходявшие за пределы облагались дополнительно. Однако 1 февраля 1926 года КрымЦИК и КрымСНК приняли свое постановление "О предельных размерах крестьянских хозяйств, на которые "Временные правила" не распространяются". К числу не облагаемых дополнительным налогом были отнесены: 1) крестьянские хозяйства, землепользование которых превышает для степных районов 57 десятин посева и для остальных районов с наличием более трудоемких культур в этих хозяйствах – 34 десятины посева; 2) бахчевые

хозяйства, имеющие промысловые бахчи свыше 4 десятин; 3) хозяйства с плодовыми поливными садами – свыше 4 десятин; 4) виноградники свыше 4 десятин; 5) табачные плантации свыше 1.25 десятин. На все эти хозяйства распространялись законодательные акты государства об условиях труда в совхозах [13]. Таким образом, местное руководство стремилось использовать для подъема сельского хозяйства крупные индивидуальные хозяйства, предоставляя им благоприятные условия хозяйствования. Однако подобная самостоятельность крымских партийных и советских руководителей имела для них трагические последствия: многих обвинили в правом оппортунизме, исключили из партии и освободили от занимаемых должностей.

"Временные правила" в определенной мере способствовали развитию сельского хозяйства Крыма: были расширены посевные площади, возросла производительность труда. Но продолжалось такое недолго: в 1927-1928 годах по указке высших партийных органов страны началось интенсивное наступление на кулацкие элементы деревни. Практически все хозяйства, использующие даже в ограниченных масштабах наемный труд, стали относить к кулацким. Подавляющее большинство новых кулаков использовало только по одному батраку, по 2-3 батрака использовало около 13% хозяйств, и только 2% крестьян нанимали более 5 батраков [14]. Таким образом, в разряд кулаков попадали не только середняки, но и бедняки, которые по каким-либо причинам (болезнь, инвалидность) позволили себе нанять одного батрака.

17 июня 1926 года ЦИК и СНК Крыма приняли "Постановление о введении в действие Положения о едином сельхозналоге на 1926-1927 год", согласно которому от уплаты налога полностью освобождались все крестьянские хозяйства, средний доход которых на одного едока составлял не менее 60 рублей. Кроме того была определена многочисленная категория льготников [15]. Фактически это означало, что вся сумма сельхозналога перекладывалась теперь на зажиточные слои деревни. В этот период социальный состав деревни выглядел следующим образом: бедняцких – 55%, середняцких – 40%, кулацких хозяйств – 5% [16]. Очередная произвольная градация населения демонстрировала, что 55% крестьян республики освобождалось от сельхозналога, который тяжелым бременем ложился на наиболее хозяйственную часть деревни. Естественно, что подобная политика отнюдь не стимулировала хозяйственную инициативу крестьян, не только не способствовала росту производительности труда, но, напротив, побуждала крестьян отказываться от создания высокопродуктивных хозяйств.

Проводившиеся в 1927-1928 гг. новые обследования крымской деревни с целью выявления численности бедняцких слоев продемонстрировали бурный прирост бедняцко-батрацких элементов, причем социальное расслоение в Крыму проводилось довольно быстрыми темпами и значительно опережало те же процессы в РСФСР.

Сравнительная характеристика бедняцких крестьянских хозяйств (беспосевных) по 35 губерниям России и в Крыму [17].

Годы	РСФСР	Крым
1922	6,9 %	28,8 %
1923	5,3 %	25,2 %
1924	4,8 %	21,8 %
1925	4,2 %	20 %

Как видно из таблицы, процентное соотношение числа беспосевных крестьянских хозяйств в Крыму в несколько раз превышало подобный показатель в ряде губерний Центральной России. Это означало, что процесс дифференциации крымской деревни проходил довольно интенсивно, причем не без прямого участия властных органов.

Одновременно с ростом численности бедноты возрастал и слой зажиточного крестьянства. По официальным данным органов власти в Крыму в 1926 году насчитывалось 5,8 % богатых крестьян, в 1927 – 16,1 %, а в 1928 – 21,8% [18]. При этом основным показателем социальной градации оставалось количество посевов и скота на крестьянский двор. Следует также отметить, что данные по социальному положению деревни постоянно менялись и различные органы власти оперировали разными количественными показателями в этом вопросе. Главная цель, которую преследовало крымское руководство, сводилась к тому, чтобы показать центру, что крымская деревня четко выполняет установки партии и политика социального расслоения проводится ускоренными темпами.

К 1927-1928 гг. ситуация, сложившаяся в крымской деревне, по социальным параметрам соответствовала той картине, которую представляли себе большевики: социальное расслоение налицо, количество кулаков резко возросло. Следовательно, по мнению партийных и советских органов настал благоприятный момент для разжигания настоящей войны на селе, для создания массового фронта борьбы с кулаком как главным врагом трудового крестьянства и эксплуататором чужого труда. Наступление на зажиточных крестьян стали вести по различным направлениям.

13 апреля 1928 года председатель ВЦИК М.И. Калинин выступил с речью на совещании беспартийных членов ЦИК СССР, в которой заявил: "Правительство вынуждено было принять чрезвычайные меры по отношению к крупным держателям хлеба...НЭП не дает права владельцам необходимых государству товаров использовать их в интересах, направленных против трудящихся и советского государства" [19]. Таким образом, личный хозяйственный интерес вновь вынужден был подчиниться государственному, а крепкие крестьяне, которых стали называть не иначе как "крупные держатели хлеба", были исключены из категории трудящихся. Эти меры практически ознаменовали собой переход правящих кругов к прежней политике "военного коммунизма".

Выступление "всероссийского старосты" на местах было воспринято как сигнал к действию против зажиточных крестьян, в число которых в результате усердных действий местных властей все чаще попадали середняцкие хозяйства.

С каждым годом возрастал объем сельхозналога, который платили только более-менее состоятельные хозяйства: к 1929 году сумма сельхозналога увеличилась почти в 2 раза и составляла 159 тыс. рублей против 82 тыс. в 1926 году [20]. Средняцкие слои деревни, не говоря уже о зажиточных, протестовали против такой политики, но властные органы продолжали свою политику на селе. Те работники партийного и советского аппарата, которые пытались встать на сторону крестьянства, лишались своих должностей и исключались из рядов большевистской партии. В процессе таких чисток в республиканском звене было снято с работы 21 % руководящего состава, а в районе – 32,7 % [21]. Таким образом партия начала осуществлять подготовительную работу для перехода к сплошной коллективизации деревни.

Результаты подобной политики не замедлили сказаться: количество зажиточных хозяйств, на которые можно было распространить индивидуальное обложение в 1929-1930 годах, заметно уменьшилось. Крепких крестьянских хозяйств становилось все меньше, а разоренных все больше. Крымский обком по поводу данных явлений сообщал в ЦК ВКП(б) в 1929 году: "...рост деревни Крыма идет по социалистическому пути".

На протяжении 20-х годов органы Советской власти неоднократно пытались сформулировать признаки кулацких хозяйств, но каждый раз эти попытки оказывались неудачными. Однако в конце 1929 года ЦИК и СНК Крымской АССР приняли свое постановление "О признаках кулацких хозяйств в Крымской АССР". Согласно этому документу кулацкими хозяйствами считались те, которые обладали одним из нижеследующих признаков: 1) в хозяйстве систематически применялся наемный труд; 2) в хозяйстве имелась мельница, маслобойка, волночесалка, шерстобитка, картофельная, плодовая или овощная сушилка, водяная или ветряная мельница; 3) хозяйство сдавало в наем сельхозмашины, сельхозинвентарь, оборудованные помещения под жилье, предприятия; 4) если члены хозяйства занимались торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имели другие нетрудовые доходы [22]. В результате принятия подобного документа большая часть экономически самостоятельных и активных крестьян попадала под категорию кулаков, что полностью лишало крестьян какого-либо стимула к развитию собственных хозяйств.

Вскоре после принятия этого документа начались активные действия на селе по ликвидации кулачества как класса. Крым опять ускоренными темпами выполнял установки партии. К концу 1929 года был полностью коллективизирован Ялтинский район, а в ночь с 26 на 27 января 1930 года органы ГПУ Крыма приступили к массовой ликвидации кулачества как класса. Начались обыски и изъятие ценностей. Правда, крестьяне оказывали сопротивление, пытались защитить своих односельчан, которых несправедливо причислили к рангу кулаков, однако силовые структуры сумели подавить такие стихийные выступления и выполнить свою миссию.

Таким образом, Советская власть, вынужденная для восстановления сельского хозяйства пойти на уступки крестьянству, разрешила применение аренды и использование наемного труда в хозяйстве. Однако эти действия большевиков оказались лишь временными мерами и преследовали единственную цель: разбить деревню на два противоборствующих лагеря – кулаков и бедняков – и с помощью последних нанести сокрушительный удар по зажиточным крестьянским хозяйствам, а вместе с тем и по личной хозяйственной инициативе крестьян, по индивидуальному хозяйству, которое большевики считали анахронизмом на пути социалистического строительства.

Источники и литература

1. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. – Т.1.-1917-1927.- М.,1949. – С. 85-86
2. Там же. С.120-127
3. ГААРК, ф.Р-663, оп.1, д.69, л.1-2
4. Бюллетень Крымского статистического управления.- 1924. - №3. - с.18
5. ГААРК, ф.1, оп.1, д.314,л.177.
6. Материалы по крестьянским бюджетам в 1922-1923 годах, 1924.
7. Ленин В.И. Сочинения в 20 томах. – М-Л.,1920-26. –Т.9. – С.432.
8. Бюллетень Крымского ЦСУ, 1924, №4, с.37.
9. ГААРК, ф.1, оп.1, д.310, л.239
10. Там же, ф. Р-30, оп.1, д.18, л.4
11. Сталин И. Сочинения. –М.,1949, -Т.7. –С.123.
12. ГААРК, ф.1, оп.1. д.368, л.37
13. Красный Крым, 1926, 12 марта.
14. ГААРК, ф.1. ОП.1. д.644, л.57
15. ЦГА РФ, ф.2313, оп.12, д.164, л18
16. ГААРК, ф. Р-30, оп.1, д.232, л.25
17. Там же, ф.1, оп.1, д.591, л.17
18. ЦГА РФ, ф.2313, оп.12, д.284, л.15
19. Красный Крым, 1928, 15 апреля
20. ГААРК, ф.1, оп.1, д.933, л.21
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф.2313, оп.12, д.113, л.14.
22. Бюллетень ЦИК Советов и СНК Крымской АССР, 1929, №1, с.2